

ПОЛИТИКА АЛЬЯНСА И АЗИАТСКАЯ СТРАТЕГИЯ США ПОСЛЕ 11 СЕНТЯБРЯ 2001 г.

«Японо-американский альянс в мировой политике»: Билатерализм, зажатый между унилатерализмом и мультилатерализмом. Австралайский специалист в области международной политики Эндрю Мак считает, что «американская политика является мультилатералистской, когда США того хотят, и унилатералистской, когда не могут действовать в предпочтительном для них билатералистском режиме, который они могут применять и применяют в большинстве случаев»¹. Известно, что стратегия США в Азии, преследующая разрешение и предотвращение конфликтов, поддержание мира и обеспечение стабильного порядка, держится на разветвленной сети двусторонних военно-политических альянсов, ядром которых являются сами Соединенные Штаты.

Как показывают процессы, происходившие с начала переговоров о пересмотре японо-американского Пакта безопасности в ноябре 1994 г. до японо-американской совместной декларации о вопросах безопасности 1996 г., работа по расширению и усилению японо-американского сотрудничества в этой области было начата и увидела свои плоды во время правления Клинтона. После «11 сентября» эта тенденция стала еще более заметной.

В качестве первой причины этого следует назвать усиление группы сторонников расширения действия Пакта безопасности во время правления нынешнего премьер-министра Коидзуми Дзюньитиро. Под предлогом «увеличения вклада Японии в международные дела» они продвигают перестройку государственной системы с тем, чтобы сделать возможным отправку Сил самообороны за рубеж.

Во-вторых, премьер-министр Коидзуми, уделяя огромное значение сотрудничеству с США, выявил новую логику «японо-американского альянса в мировой политике» и оказал всестороннюю поддержку режиму Буша в «антитеррористической войне». Важнейшей задачей правительства Буша в его политике по отношению к Японии является отмена девятой статьи конституции либо пересмотр ее интерпретации с тем, чтобы Япония могла применить право на коллективную самооборону. В этом подходы японских сторонников расширения действия Пакта безопасности, правительства Коидзуми и администрации Буша совпадают².

В-третьих, с точки зрения долгосрочной перспективы, стремительное расширение японо-американского сотрудничества в области безопасно-

Перевод с японского языка: Э.А. Барышев.

¹ Mack A. The United States and Asia-Pacific: Bilateralism Plus // Multilateralism a la carte Unilateralism and U. S. Foreign Policy. / David M. Malone and Yuen Foong Khong eds. Boulder: Lynne Rienner, 2003. P. 375.

² О японско-американском военном сотрудничестве после 11 сентября см.: Hideki Kan, U.S.-Japan Security Relations before and after 9.11 // *KNDU Review: Journal of National Security Affairs*. 8-2. 2003. December. P. 135-154.

сти является закономерным следствием того, что японская дипломатия, слишком сильно зависящая от двусторонних японо-американских отношений в этой сфере, не уделяла должного внимания многостороннему диалогу о создании новой системы безопасности в Азии и построении доверительных отношений с азиатскими странами.

Последнее становится очевидным при сравнении Японии с Великобританией. Лондон, с одной стороны, по-прежнему рассматривает в качестве стержня своего внешнеполитического курса «особые отношения» с США, однако, с другой стороны, вместе с продвижением европейской интеграции начал постепенно смещать центр тяжести в сторону Европы. После 11 сентября правительство Тони Блэра, оказав всемерную поддержку борьбе Буша с террором и войне в Ираке, шатнулось в сторону США, однако сейчас, когда послевоенная ситуация в Ираке ухудшилась, оно может перестроить свою внешнюю политику, восстановив отношения с ЕС. Япония же, не создавшая нечто похожее на ЕС в Азии, даже в условиях провала глана Буша по послевоенному урегулированию в Ираке не может отыскать альтернативы в области политики обеспечения безопасности: правительство Коидзуми продолжает находиться в коленопреклоненном положении перед США³.

Пересмотр основных положений японо-американского Пакта безопасности на время вывел двустороннее сотрудничество из «дрейфующего состояния», однако «добровольно-коалиционный» подход (как известно, международная коалиция, созданная для ведения войны в Ираке под эгидой США, получила название «Коалиции Доброй Воли», или *Coalition of the Willing* – прим. переводчика), продвигаемый Бушем, начинает расшатывать сами основы двусторонних отношений в этой сфере. Данный подход подразумевает, что США выбирают себе союзника в соответствии с определенными ими целями, а Япония выполняет отведенную ей роль и несет часть расходов, удовлетворяя стратегические нужды США. При этом инициатива всегда находится у американской стороны. Состояние японо-американских отношений в области безопасности после окончания «антитеррористической войны» прекрасно подтверждает вышеуказанное. Отвечая на американские требования, Япония вынуждена плестись в хвосте у США, выполняя лишь вспомогательную роль: во время войны в Афганистане Япония осуществляла отправку соединений морских Сил самообороны в Индийский океан и занималась доставкой горючего для американских судов, а во время войны в Ираке направила подразделения сухопутных Сил самообороны в южноиракский город Самава.

Во время своего первого президентского срока Буш проводил одностороннюю, унилатералистскую политику, однако в отношении японо-американского Пакта безопасности придерживался курса на расширение этого сотрудничества в глобальном масштабе. Можно сказать, что японо-американские отношения в области безопасности являются пространствен-

³Hideki Kan. Japan–United States Relations in the Postwar Years. // Japan and Britain in the Contemporary World / Hugo Dobson and Glenn D. Hook eds. London: Routledge Curzon, 2003. P. 53-81. О англо-американских отношениях см.: Gamble A. The Future of Anglo-America // Ibid. P. 40-52.

ным развитием двусторонних, или билатералистских, связей, не связанных с процессом формирования многосторонних международных отношений.

С другой стороны, в отношении проблемы разработки ядерного оружия в Северной Корее правительство Буша изменило свой курс на двусторонние американо-корейские переговоры и перешло к многосторонним консультациям⁴. В момент прихода к власти президент Буш, отмечая недостатки соглашения, подписанного администрацией Клинтона в 1994 г. с Пхеньяном и получившего название «Согласованных рамок» (Agreed Framework), добавил в повестку американо-корейских консультаций такие вопросы, как сокращение обычных вооружений и права человека, чем осложнил и без того трудные переговоры, фактически, заняв позицию «диалогу – да, переговорам – нет». Американо-корейские консультации начались в октябре 2002 г., когда помощник заместителя госсекретаря Джеймс Келли посетил в качестве особого посланника президента Северную Корею. До этого примерно в течение 1 года и 10 месяцев администрация Буша не шла на двусторонние переговоры.

Тем не менее в 2003 году правительство Буша изменило свою позицию, перейдя к шестисторонним (США, КНДР, Китай, Россия, Япония, Южная Корея) консультациям. В качестве первой причины этого нужно назвать трагедию, произошедшую 11 сентября 2001 г. Этот теракт означал то, что в случае попадания северокорейского ядерного оружия в руки террористов вся американская территория может стать мишенью для атаки. Таким образом, проблема американской безопасности была логически связана с проблемой разработки ядерного оружия в Северной Корее. Это привело к пересмотру первоначально негативного отношения правительства Буша к американо-корейским переговорам.

В качестве второй причины можно назвать Китай, который со времени азиатского финансового кризиса (лето 1997 г.) занял активную позицию по отношению к многосторонним консультациям и стал играть роль посредника на шестисторонних переговорах. Китай, с 1992 г. демонстрирующий значительный экономический рост и рассматривающий стабильность международного положения в Восточной Азии как необходимое звено для поддержания темпов экономического развития, старается всеми силами избежать нагнетения напряженности и складывания кризисной ситуации на Корейском полуострове. Кроме того Китай не желает утечки ядерных технологий из Северной Кореи в Японию, Южную Корею и на Тайвань.

В-третьих, администрация Буша решила использовать Китай в качестве дипломатического посредника, умело используя его вышеуказанные опасения. Китай, осуществляющий по отношению к КНДР продовольственную и энергетическую помощь, стал рассматриваться как влиятельная сила, на которую можно рассчитывать. Первое время в политике администрации Буша проскальзывали моменты, как будто свидетельствующие о том, что она принимает во внимание возможность крушения северокорейского ре-

⁴См.: Кан Хидэки. Тёсэн ханто: Кики кара хэйва котуку э (Корейский полуостров: От кризиса к восстановлению мира). Сякай хёронся. 2004. С.1-119.

жима, однако постепенно стало ясно, что рассчитывать на это в условиях оказания поддержки со стороны Китая не приходится.

В-четвертых, в обращении к Конгрессу в январе 2002 г. президент Буш, говоря об «оси зла», предельно ясно обозначил свою позицию в отношении необходимости смены северокорейского режима, однако приоритетом для него оставался Ирак. Готовясь к войне в Ираке, Буш старался избежать опасности быть втянутым сразу в два региональных конфликта, и это стало одной из причин, почему он признал необходимость проведения консультаций с КНДР⁵.

Вышеуказанное свидетельствует о том, что внешняя политика администрации Буша, характеризующаяся унилатерализмом, не отвергает рамок многосторонних контактов, когда она выгодна для решения американских проблем. Это проявилось и в отношении США к шанхайской конференции АТЭС, начавшейся в октябре 2001 г., когда война в Афганистане была в самом разгаре. Буш немедленно прибыл в Шанхай и смог успешно провести антитеррористическую декларацию, в которой говорилось о том, что терроризм является непосредственным вызовом по отношению к АТЭС, и, что организация поддерживает все мероприятия, направленные на усиление международных структур по борьбе с террором.

Тем не менее, то, что администрация Буша в условиях необходимости прибегает к многосторонним переговорам, пожалуй, не опровергает того, что этот внешнеполитический курс является унилатералистским. Это проявилось в приостановке деятельности США в рамках Организации энергетического развития Корейского полуострова (KEDO), называемой Маком «самым важным соглашением в области безопасности в Восточной Азии», несмотря на серьезный протест со стороны Южной Кореи и Японии. «Добровольно-коалиционный подход», которому администрация Буша уделяет пристальное значение, также облечен в форму «мультилатерализма», однако на самом деле является выражением «псевдо-мультилатерализма»⁶.

⁵ Политика администрации Буша, выражающаяся, с одной стороны, во внимательном отношении к АТЭС, в участии в шестисторонних переговорах, а с другой, в приостановке деятельности в рамках Организации энергетического развития Корейского полуострова (KEDO), может быть охарактеризована как «инструментальный мультилатерализм»: США участвуют в международных инициативах в случае их совпадения с национальными интересами и полностью игнорируют их, выявляя свое нежелание и отказываясь от сотрудничества, в других ситуациях. В отношении «инструментального мультилатерализма» см.: U.S. Hegemony and International Organizations / Rosemary Foot, S. Neil MacFarlane, Michael Mastanduno eds. Oxford: Oxford UP, 2003. P. 266. Данный термин близок к понятию «избирательного мультилатерализма» ('a la carte multilateralism'). В отношении последнего см. записи лекций Ричарда Хааса, занимавшего пост начальника отдела планирования политики госдепартамента США во время правления Буша: Haass R. Multilateralism for a Global Era. Remarks to Carnegie Endowment for International Peace Conference. Washington D.C., November 14, 2001.

⁶ О данном термине см.: Krauthammer. The Unipolar Moment // Foreign Affairs, 1990-91. Vol. 70-1 (winter). P.25. София Клемент называет «Коалицию Доброй Воли» «билатералистским мультилатерализмом», а военные действия НАТО под эгидой США «американским унилатерализмом в рамках мультилатералистской структуры». См. об этом в: Clement S. The United States and NATO: A Selective Approach to Multilateralism // Multilateralism and U.S. Foreign Policy / David M. Malone and Yuen Foong Khong eds. P. 405-413. Кристофер Хьюгз, анализируя процесс формирования нового международного порядка в Восточной Азии, утверждает, что в его основе лежит билатерализм. Сущность процессов, рассматриваемых иногда как формирование мультилатерализма, обозначается им в качестве билатерализма или главенства США. Выделяя четыре вида сотрудничества, таких как «гегемоническое», «концертного типа», «направляемого» и «открытого диалога», он признает, что преобладает первое из них. См.:

Альянс в XXI веке и будущее системы безопасности в АТР: От формального альянса к неформальному. «Добровольно-коалиционный подход», являющийся характерной чертой политики альянса, проводимой администрацией Буша, подразумевает формирование отношений, исходя из особых задач, стоящих перед США. Если эта тенденция продолжит свое развитие и в дальнейшем, отношения альянса вынуждены будут испытать серьезные изменения. Именно поэтому необходимо выявить причины появления данного подхода. Их оценка, пожалуй, будет разниться в зависимости от того, рассматривается ли этот «добровольно-коалиционный подход» как особый продукт политики правительства Буша или же как феномен, отражающий в большей мере некие структурные факторы.

Отношения альянса в XXI в. таят в себе возможность эволюции от долговременных, формальных союзных отношений, основанных на договоре, к более неформальным и краткосрочным. В качестве одного из факторов этого может быть назван односторонний, унилатералистский характер внешнеполитического курса Буша. В то же самое время существуют и структурные причины. Во-первых, в отношениях между США и их европейскими союзниками после «холодной войны» наблюдается такое явление, как уменьшение необходимости друг в друге⁷. Между ними углубляется расхождение в подходах к строительству международного порядка: Европа придает особое внимание многостороннему сотрудничеству, ООН, а в политике Буша бросается в глаза унилатералистский подход. Обозначились расхождения и в определении основных задач текущего момента, и в приоритетах в области обеспечения безопасности⁸. По мере процесса формирования Евросоюза и особой европейской идентичности, Европа начинает разворачивать свою собственную внешнюю политику и политику в сфере безопасности⁹.

Выделяя четыре вида сотрудничества, таких как «гегемоническое», «концертного типа», «направляемого» и «открытого диалога», он признает, что преобладает первое из них. См.: Hughes Christopher E. The U.S.-Japan Alliance and the False Promises, Premises and Pretences of Multilateralism in East Asia. January 2004 (неопубликованный материал); Такита Кэндзи. Такокукансюги но сайтэйги то амэрика гайко (Новое определение мультилатерализма и американская дипломатия) // Кокусай сэйдзи (Международная политика). № 133. август 2003. С.11-27.

⁷Secretary of Defense. Quadrennial Defense Review Report. Sept. 30, 2001, Washington D.C., P.4; Under Secretary of Defense (Policy), Asia 2025: 1999: Summer Study Final Report, July 25-August 4, 1999, Newport, Rhode Island. P.20-21.

⁸Kitfield J., "Pax Americana" // National Journal. 2002. April 6. P. 984; Доклад американского комитета внешнеполитических проблем «Бэй-о кан но кирэцу о до сюфуку суру ка» (Как ликвидировать трещину в американо-европейских отношениях) // Нэокон то амэрика тэйкоку но гэнсо (Неоконсерваторы и иллюзия американской империи). Асахи симбунся, 2003. С. 171; Там же. Гордон Ф. Бэй-о тайрицу о умэру тамэ ни ва (Чтобы остановить американо-европейское противостояние). С.143-163.

⁹В мае 1999 г. Европейский Совет усилил «Единую внешнюю политику и политику безопасности» (CFSP) в рамках Европы, а на состоявшемся в том же году Кельнском саммите глав государств и правительств стран-членов Европейского Союза было принято решение осуществить включение Западноевропейского союза (WEU) в структуру ЕС до конца 2000 г., в результате чего альянс оказался внутри Евросоюза. На декабрьском саммите, состоявшемся в Хельсинки, было достигнуто соглашение о создании Сил быстрого реагирования ЕС, насчитывающих около 5-6 тыс. чел. и предназначенных для предотвращения кризисных ситуаций и обеспечения порядка, способных осуществить развертывание в течение 60 дней и выполнять свою задачу на протяжении года. Параллельно с этим было решено создать внутри Со-

Во-вторых, между США и союзниками углубилась пропасть в военной силе, в информационно-аналитических возможностях, в военно-коммуникационных технологиях. Именно такая разница в возможностях способствует утверждению унилатералистского внешнеполитического курса администрации Буша и «добровольно-коалиционного» подхода.

В-третьих, республиканская партия, одержавшая победу на промежуточных выборах 1994 г., вновь стала партией большинства, и в настоящее время внутри нее преобладающее положение занимает консервативная фракция, а умеренные и центристы, бывшие на первом плане в период между правлениями Эйзенхауера и Никсона, с их космополитическим курсом, ушли в тень. Консервативная фракция внутри республиканской партии, опирающаяся на ВПК и энергопромышленный сектор, в вопросах дипломатии и безопасности не жалеет мириться с ограничением национального суверенитета, поддерживает односторонний, унилатералистский подход, призывает к усилению американской военной мощи и увеличению расходов на оборону, активно выступает за создание системы ПРО, против подписания договора о всеобъемлющем запрете ядерных испытаний и Киотского протокола. В настоящее время именно эти силы выступают главным препятствием к возвращению американской дипломатии на рельсы международной солидарности¹⁰.

Такие структурные факторы скрываются в тени «добровольно-коалиционного» подхода. Если администрация Буша и впредь будет проводить одностороннюю политику, это приведет к усилению европейского курса в области внешней политики и обеспечения безопасности, и, по-видимому, в будущем значение НАТО для Европы еще более снизится. Причина этого кроется в том, что продвижение европейской интеграции создает необходимый фундамент для усиления политического влияния Европы и ее системы безопасности¹¹.

Напротив, положение, в котором находится сейчас Япония, прямо противоположное. Японии, не сумевшей создать политическое пространство, подобного европейскому, естественно, остается лишь следовать в хвосте «Коалиции Доброй Воли». Однако, с другой стороны, думается, что сохранение отношений с таким виде может привести к разрушению самого фундамента японо-американского сотрудничества в области безопасности. Конечно, на будущее японо-американского сотрудничества кроме «доброволь-

вета Европы Комитет по вопросам политики и безопасности (PSC), Военный комитет (Military Committee), Военный штаб (Military Staff). На Брюссельском саммите, прошедшем в июне 2004 года, была принята программа «Основополагающая цель 2010» («Headline-Goal 2010»), в которой говорилось об повышении боеспособности Сил быстрого реагирования. Было достигнуто соглашение о создании «военной группы» (Battle Group), способной осуществить развертывание в течении 10 дней, в одностороннем порядке – в течении 30 дней. Поддерживая сотрудничество с НАТО, Евросоюз усиливает свои внутренние возможности, позволяющие выполнять Петербургские задачи (оказание гуманитарной помощи, поддержания мира и участие в миротворческих операциях с целью урегулирования кризисных ситуаций).

¹⁰ На факт существования этого консервативного течения внутри республиканской партии указывается в: Буссю-сэйкэн то амэрика но хосю сэйрёку (Режим Буша и американские консервативные силы). Под ред. Кубо Фумиаки. Нихон кокусай мондай кэнкюдзё (Японский научно-исследовательский институт международных проблем), 2003; Гэндэй амэрика но сэйдзи кэйрёку кодзо (Структура политических сил современной Америки). Под ред. Йосивара Кинъити. Нихон хёронся, 2000.

¹¹ Calleo David P. Rethinking Europe's Future. Princeton UP, 2001. P.361, 369, 376.

но-коалиционного» подхода оказывают также влияние такие факторы, как японо-китайские отношения, ход шестисторонних переговоров о проблеме разработки ядерного оружия в Северной Корее, ситуация в Ираке, процесс трансформации (реформирование и реорганизация) американской армии в глобальном масштабе, продвигаемой США, и многие другие.

Направление трансформации американской армии уже обозначилось. Министр обороны США Дональд Рамсфельд в речи, произнесенной им 5 июня 2004 г. в Сингапуре, обозначил четыре принципа реформирования армии: 1) усиление сотрудничества с союзными и дружественными странами, 2) повышение гибкости военной структуры, 3) способность быстрого развертывания и военная мощь, 4) уничтожение «искусственных барьеров» между регионами в военных планах¹². Последнее означает удаление барьеров, существовавших в прошлом в военных планах, например, между Тихоокеанской армией, отвечающих за положение дел в тихоокеанской зоне, и Центральной армией, в сферу ведения которой входят Афганистан и Ирак. В результате этого, станет возможным моментальная переброска военной силы в случае критической ситуации из одной точки земного шара в другую. Политика национальной безопасности, проводимая правительством Буша, вместо «Стратегии угроз» (Threat-Based Strategy), применявшейся в эпоху «холодной войны», взяла на вооружение «Стратегию возможностей» (Capability-Based Strategy). Это произошло потому, что была осознана необходимость иметь возможность отреагировать в любое время на любую угрозу для того, чтобы противостоять внезапному – например, террористическому – нападению¹³. Усиление гибкости военных структур и способность быстрого развертывания также являются концепциями, созданными для подготовки к «асимметричной войне».

Реорганизация американской армии, рассматривая Японию в качестве главного пункта размещения передовых военных баз, предполагает перенос Главного штаба воздушных сил самообороны Японии (г. Футю, преф. Токио) в Штаб американской армии в Японии (военная база Йокота, преф. Токио) и штаба Первой дивизии сухопутных войск США (штат Вашингтон) на военную базу Дзама (преф. Канагава), а также слияние штаба 13-ой армии (о. Гуам) со штабом 5-ой армии (военная база Йокота) – начальник штаба будет находиться на базе Йокота. Если в условиях, когда существует огромная разница в военной силе, информационно-аналитических, организационных и дипломатических возможностях, продолжится курс на углубление японо-американского сотрудничества в сфере национальной обороны, Япония столкнется с опасностью того, что будет полностью встроена в рамки американской стратегии и японские Силы самообороны будут использоваться в соответствии с задачами, определенными США, так, как будет выгодно Вашингтону. Если такое положение, при котором «Америка готовит еду, а Япония и другие союзники моют посуду», сохранится, вероятно, что

¹²Secretary Rumsfeld remarks at the International Institute for Strategic Studies, June 5, 2004; Assistant Secretary of Defense Peter Rodman "U.S. Security Strategy in the Asia-Pacific Region", Statement for the Subcommittee on Asia and the Pacific, House International Relations Committee Hearing, June 26, 2003.

¹³White House, The National Security Strategy of the United States of America, Sept. 2002, Washington D.C., p.15. Secretary of Defense, Quadrennial Defense Review Report, Sept. 30, 2001, pp.iv-v, 6, 13-14, 32.

фундамент японо-американского сотрудничества в области безопасности зашатается. Реорганизация и реформирование американской армии, означающие расширение японо-американского военного сотрудничества, не ограничиваясь «пределами Дальнего Востока» (о чем говорится в шестой статье Пакта безопасности), ставит ряд вопросов, касающихся самого смысла существования японо-американского сотрудничества в сфере безопасности, таких как: «Что такое угроза национальной безопасности, не имеющая географических рамок?», или «Можно ли защитить японские национальные интересы, будучи встроенным в стратегию США, являющимися державой в глобальном смысле и имеющими глобальные интересы?».

После 11 сентября администрация Буша усилила одностороннюю, унилатералистскую политику, взяла на вооружение «добровольно-коалиционный» подход и начала войну с террором. Эти действия внесли серьезную напряженность в существующие союзнические отношения. Тот факт, что режим Буша начал войну против Ирака без резолюции Совета Безопасности ООН, создал большую трещину в американо-европейских отношениях. В настоящее время можно даже услышать замечания тех, кто предрекает «конец альянса» либо указывает на «упадок прочного многостороннего альянса»¹⁴. Говорить о «конце альянса», вероятно, еще рано, однако в силу того, что тенденция к «добровольно-коалиционному» подходу и унилатерализму, обнаруживающаяся во внешней политике администрации Буша, означают – как для США, так и для Европы – уменьшение значения НАТО, есть вероятность ослабления «прочных многосторонних союзов».

Взглянем на дипломатические позиции администрации Буша во второй срок правления: Кондолиза Райс, сменившая портфель помощника президента по проблемам безопасности на пост госсекретаря; министр обороны Дональд Рамсфельд; заместитель министра обороны Пол Вулфовиц, представляющий интересы неоконсерваторов... Сохранили свои посты и «ястребы» во главе с вице-президентом Диком Чейни. Нет особых перемен и во взглядах на мировую политику: страны, не подчиняющиеся США, воспринимаются как «оплот деспотии», а США рассматривается в качестве «оплота свободы». В таких условиях, принимая во внимание то, что появление «добровольно-коалиционного подхода» является продуктом структурных изменений, вероятно, будет правильным заключить, что тенденция перехода от формального альянса к неформальному продолжится и в дальнейшем.

¹⁴Rajan Menon. The End of Alliances // World Policy Journal. 2003. Vol. 20. N 2 (summer). Terrais B. The Changing Nature of Military Alliances // The Washington Quarterly. 2004. Vol. 27. N 2 (spring). P. 135-150. С другой стороны, Кэмпбелл считает, что американская система альянса «не умерла и отнюдь не находится в упадке». Просто «характер и цели альянса трансформируется с тем, чтобы ответить на вызовы новой эпохи». По-видимому, именно это замечание более справедливо. Campbell Kurt M., The End of Alliance?: Not So Fast // The Washington Quarterly, 2004. Vol. 27. N 2. P.151.